

БОЛЬШОЕ ПЕРЕОДЕВАНИЕ

Константин Райкин и его «Квартет» в театре «Сатирикон»

Независимая газ. - 1999 - 3 апр. - с. 7

Глеб Ситковский

АРКАДИЙ ИСААКОВИЧ Райкин, как известно, пришел на эстраду из театра. И одной из первых его актерских удач была, говорят, небольшая роль в дипломном спектакле Ленинградского театрального института по «Смешным жеманницам» Мольера. Новому своему спектаклю, слепленному из двух коротких мольеровских пьес, Константин Райкин не предположил никаких посвящений отцу, как он не раз это делал, но и так видно: в «Квартете» говорят на том неповторимом эстрадно-театральном языке, что был присущ Райкину-старшему, пользуются его излюбленными приемами.

Это — театр миниатюр. В коротких сценках, сменяющих друг друга, актеры не играют, а *показывают* людские страсти, пороки и характеры. Их отточенному карандашу достаточно сделать два-три штриха (раз — утрированная дикция, два — утрированная походка, три — утрированный жест), и вот уже довольный зритель хлопает созданной на его глазах карикатуре.

Мольер — это прежде всего легкость. Райкин, однако же, поставил своей задачей облегчить легкое. И для того, чтобы взлететь повыше, решил скинуть балласт. Режиссер производит в своем спектакле сокращение штатов — не среди действующих лиц, а среди исполнителей. В двух мольеровских фарах («Брак поневоле» и «Любовь-целительница») персонажей больше двадцати, а актеров, решил Райкин, достаточно четырех. Квартет. Будет Сганарель (один), будут всякие кокетки и субретки (женщины — «сатириконовская» прима Наталия Вдовина или Елена Борисова в другом составе, а также Ангелина Варганова — здесь на втором плане) и будет плут, играющий все-все остающиеся роли.

Четвертый, конечно же, и стал главным в этом квартете. Из него получилось как бы новое действующее лицо — нечто вроде итальянского Арлекино, добавленного во французскую классицистскую комедию. В самом деле: если есть Сганарель — глупый старик, которого дурачат (старика играет, то есть не играет, конечно, а показывает — молодой Денис Суханов), то должен быть и тот, кто дурачит.

Лучший, издавна известный способ одурачить — это переодеться. Мольер об этом тоже, кстати, прекрасно знал. И в «Любови-целительнице» только

Цыганский разгул на сцене «Сатирикона». Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

благодаря переодеванию в доктора страстному Клиландру удается обвести Сганареля вокруг пальца и жениться на своей дорогой Люсинде. Но Григорий Сиятвинда переодевается не в одного доктора, а в целых пятидесяти. Да еще в аптекаря. Да еще в двух ученых мужей (это уже в «Браке поневоле»). И в отца невесты. И в брата. И...

Фирменный трюк Аркадия Райкина, впечатлявший многих: артист выскакивает за сцену, заканчивает фразу где-то в отдалении, а через десяток-другой секунд появляется перед зрителем уже с новым лицом, в новом костюме и с новым образом. В «Квартете» в руки «одевальщиков» отдан именно Сиятвинда. Он здесь как Райкин. И кажется, что он не только примеряет на себя смешные мольеровские маски, но и Райкиных *показывает*: причем сразу обоих — старшего и младшего. Подобно

старшему Райкину, он стремглав носится за сценой и, подобно младшему, ведет себя на сцене — двигается, как он, говорит, как он, жестикулирует, как он. Понимаю, что, скорее всего, не Григорий Сиятвинда *показывает* публике Константина Райкина, а Райкин на репетициях *показал* Сиятвинде доскональный рисунок роли, накрепко затверженный теперь актером. Но в какие-то моменты Сиятвинда, в котором течет африканская кровь, даже лицом (выпученными губами, вытаращенными глазами) становится похож на Константина Райкина, в жилах которого кровь течет исключительно еврейская.

Конечно же, роль, которую режиссер Константин Райкин отдал молодому Сиятвинде, стала бы «тем, что доктор прописал» для актера Константина Райкина. Арлекин, слуга десяти господ или двадцати персона-

жей — всем известно — его роль. Почему же он отказался — неужели для того лишь, чтобы пропустить вперед молодых? Или, может, решил *показать* себя, как в зеркале, в Григории Сиятвинде? По «Квартету» видно, что любое движение мизинца здесь отрепетировано и закреплено намертво. И когда в конце спектакля, на поклонах, Райкин великодушно позволит зрителю увидеть прямо на сцене «людей в черном», которые продемонстрируют секреты Великого Театрального Переодевания, покажется, что это никакие не «одевальщики», а кукловоды, и актеры — просто марионетки в их ловких и натруженных руках. Членов этого срепетированного «квартета» правильнее уподобить не музыкантам даже, а инструментам, на струнах которых выводит свою мелодию Константин Райкин.

64
63

64